

Ф.Ф. Палицын

ЗАПИСКИ

1914 – 1916

Федор Федорович Палицын

Записки. Том I. Северо-Западный фронт и Кавказ (1914 – 1916)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8878328

Палицын, Федор Федорович Записки. Северо-западный фронт и Кавказ (1914 – 1916). 1 том: Издательство им. Сабашниковых.; Москва; 2014

ISBN 978-5-8242-0136-9

Аннотация

Фёдор Фёдорович Палицын (1851–1923), генерал от инфантерии, один из ближайших сотрудников великого князя Николая Николаевича, в 1905–1908 гг. возглавлял Главное управления Генерального штаба. В 1 томе воспоминаний автор описывает события 1914–1916 гг., когда он находился сначала при штабе главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта М. В. Алексева, а затем при штабе командующего Кавказской армией Н.Н. Юденича. Незаурядные познания в военном деле, опыт, профессионализм позволяют автору «Записок» объективно оценивать ситуацию на фронте и в тылу. Его записи отражают обычно скрытую сторону деятельности штабных и руководящих военных инстанций, раскрывают подлинный механизм выработки решений. Деятельность многих

военачальников подвергается в его воспоминаниях неприкрытой и беспристрастной оценке, со всей военной неразберихой, ошибками и казусами. Публикуются впервые.

Содержание

Генерал Ф.Ф. Палицын и его «Записки»	6
Записки генерала Ф. Палицына (1914–1921)	52
Северо-Западный фронт	52
18-го октября. 93-й день мобилизации.[19]	52
19-го октября	58
Конец ознакомительного фрагмента.	65
Комментарии	

Федор Федорович Палицын

Записки. Том I

Северо-Западный фронт и Кавказ (1914–1916)

© Издательство им. Сабашниковых, 2014

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Издательство выражает благодарность Павлу Лукину, Федору Палицыну, а также Жерару Горохову и Андрею Корлякову за помощь в подготовке текста и иллюстраций книги

Генерал Ф.Ф. Палицын и его «Записки»

Первая мировая война – или Великая война – как ее называют в Европе, сыграла ключевую роль в становлении сегодняшнего миропорядка. Начавшись 100 лет назад, она заложила основы политической и экономической системы Европы до сего дня. Тем не менее многие вопросы о том, что же происходило в те роковые годы, остаются без ответа. Еще меньше знакома с этим насыщенным событиями отрезком времени отечественная публика.

Впервые публикуемые «Записки»¹ генерала Фёдора Фёдоровича Палицына, входившего в круг высшего руководства российской армии, лично присутствовавшего почти на всех театрах военных действий, от Кавказского фронта до Восточной Пруссии, Галиции и во Франции, – представляют собой весьма авторитетный исторический источник.

Род Палицыных ведет свое начало из Подолии, упоминается в родословных книгах с 1373 года. Почти все Палицыны так или иначе связаны с военной и государственной службой.

Федор Федорович родился 28 октября 1851 в г. Юрьев Лифляндской губернии². Среднее образование получил в Ор-

---

¹ Здесь и далее: Записки. Северо-Западный фронт и Кавказ (1914–1916). I том / Ф.Ф. Палицын. – М.: Издательство им. Сабашниковых. 2014. – 328 с.: ил.; Записки. Франция (1916–1921). – М.: Издательство им. Сабашниковых. 2014. – 368 с., ил.

² Здесь и далее биографические данные приводятся на основании послужного списка члена Государственного Совета Ф.Ф. Палицына// РГИА. Ф.1162. Оп.6. Д.398. Л.1-157

ловской военной гимназии. В службу вступил в 1868, поступив в 1-е Павловское военное училище, которое окончил по 1-му первому разряду.

В 1870 был прикомандирован к лейб-гвардии Царскосельскому стрелковому батальону с переименованием в прапорщики гвардии. В 1875–1877 гг. учился в Николаевской академии Генерального штаба, после окончания которой был причислен к корпусу офицеров Генерального штаба.

Ф. Ф. Палицын принял участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., где отличился, находясь в должности старшего адъютанта 1-й гренадерской дивизии на Кавказском театре военных действий, в делах под Ягнами, Субботаном, Авлиаром и Карсом, и был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, а также и орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами.

В 1879–1889 годах продолжил службу на штабных должностях Гвардейского корпуса. В апреле 1884 произведен в полковники, в январе 1889 назначен начальником штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, а в 1891 – помощником начальника штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. В 1894 был произведен в чин генерал-майора, в мае 1895 назначен на должность начальника штаба генерал-инспектора кавалерии великого князя Николая Николаевича.

Являясь одним из ближайших сотрудников великого князя, Палицын принял участие в деле улучшения подготовки кавалерии, в разработке нового строевого кавалерийского

устава и формировании кавалерийских частей.

В сентябре 1904 направил на имя императора Николая II особую записку о реформировании Генерального штаба. Этот проект был поддержан великим князем Николаем Николаевичем, и в июле 1905 Ф.Ф. Палицын возглавил Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) и одновременно был введен в Совет государственной обороны (СГО).

Будучи талантливым штабным работником и глубоко понимая военное дело, в том числе и специфику службы Генерального штаба, Палицын подготовил ряд положений и проектов, в т. ч. «Положения об управлении генерал-квартирмейстера Генерального штаба». Часть из его предложений была реализовано в ходе военной реформы 1907–1909 гг.

Деятельность Ф.Ф. Палицына на посту руководителя ГУГШ, начиная со времени его назначения, вызывала и продолжает вызывать весьма противоречивые оценки.

Советский читатель имел возможность узнать о существовании начальника Генерального штаба Ф.Ф. Палицына из мемуаров известного советского дипломата генерал-лейтенанта А.А. Игнатьева³.

А. А. Игнатьев относился к своему начальнику иронично и без особой симпатии. Федора Федоровича Палицына автор мемуаров называет «Федей», как бы снижая его статусность. Игнатьев вспоминает неудачи Палицына в его обще-

---

³ А.А.Игнатьев. 50 лет в строю. М.: ОГИЗ Государственное издательство художественной литературы. 1951, ТТ.1–2.

нии с восставшими солдатами 1-й Особой пехотной дивизии Русского экспедиционного корпуса в лагере Ля Куртен во Франции. Тогда, в 1917 году, после известий о революции в России, генерал обратился к взбунтовавшимся с речью, и получил из толпы – «старая калоша». Сам Игнатьев характеризует генерала как представителя поколения, впавшего в маразм.

В посмертно изданной монографии Л.Г. Бескровного⁴ деятельность генерала Палицына упоминается без каких-либо оценок, но подробно освещается история создания, место и структура в системе управления вооруженными силами Главного управления Генерального штаба, воссозданного по инициативе Палицына и им же возглавленного.

Введение в научный и общественный оборот большого комплекса специальной и мемуарной эмигрантской литературы⁵, новые исследовательские работы по истории российской императорской армии позволяют ныне увидеть роль Ф.Ф. Палицына значительно шире⁶.

---

⁴ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в начале XX века. Очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука, 1986.

⁵ См.: Лагерный сбор 1907 года. Из писем генерал-майора М.В.Алексеева/Примеч. В.М.Борель// 1972. № 115. С. 1–3; Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969–1970. ТТ. 1–2; Сухомлинов В.А. Воспоминания. – Берлин, Рус. Университетское издание, 1924; Шварц А.В. фон. Ивангород в 1914–1915: Из воспоминаний А.В. фон Шварца, коменданта крепости. – Париж, Танаис, 1969; Галич Ю. Среди монархистов: (Из берлинских воспоминаний)//Новое русское слово. 1927. 3 января (№ 5090).

⁶ См., например: Кавтарадзе А.Г. Военные реформы в России 1905–

Однако выделение службы Генерального штаба из структуры Военного министерства, прямая подчиненность императору в период реформирования вооруженных сил страны вызвали известные нарекания со стороны военного министра А.Ф. Редигера и генералитета. Редигер подверг жесткой критике служебные и личные качества Палицына, нелестно охарактеризовав соперника в своих мемуарах⁷.

Так, например, он пишет:

«...человек неглупый, очень добросовестный и усердный работник, он был отличным исполнителем всякой заданной ему работы; он добросовестно выяснял все стороны вопроса и, сам совершенно не способный принять то или иное решение, все свои сомнения выкладывал великому князю, который, благодаря этому основательно ознакомился со всяким вопросом и затем, со свойственной ему решительностью, принимал решение.

Палицын не сразу сдавался; он добросовестно продолжал развивать свои аргументы за и против, пока великий князь не остановит его решительным указанием, что и как надо де-

---

1912 гг. // Реформы и реформаторы в истории России: сб. статей. М., 1996. С. 157–166; Кожевникова Г.В. Главное управление Генерального штаба накануне первой мировой войны (1910–1914). М., 1998; Алпеев О.Е. Введение военной игры в качестве обязательной формы подготовки генералов и офицеров в русской армии накануне Первой мировой войны (1906–1914 гг.)// <http://history.milportal.ru/2014/07/o-e-alpeev-istoriya-royavleniya-i-razvitiya-voennoj-igry-v-russkoj-armii-1824-1905-gg/>

⁷ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х томах. М., 1999.

лать. Не менее этой добросовестности великий князь в нем ценил всегдашнее спокойствие и личную преданность. Палицын действительно был невозмутимо спокоен и действовал успокоительно на нервного и вспыльчивого великого князя, которого, вероятно, не раз удерживал от необдуманных шагов. Самая речь Палицына, медленная, тягучая и бесцветная, и всегда длинная, была способна загипнотизировать кого угодно и успокоительно действовала на великого князя. Преданность Палицына не подлежала сомнению и он распространял ее и на долголетнюю сожительницу князя...»

К сожалению, эти два достойных российских военных деятеля не смогли найти общего языка ни между собой, ни в отношениях с императором Николаем II.

Впрочем, государь в итоге разрешил конфликт в полном соответствии со своим фирменным подходом к решению кадровых вопросов. После возвращения ГУГШ в состав Военного министерства, 13 ноября 1908 года Палицын был освобожден от должности и назначен членом Государственного Совета, а в марте 1909 был отставлен и военный министр, также отправленный членом по назначению в Государственный Совет.

В дальнейшем назначение военным министром В.А. Сухомятинова, не обладавшего административным талантом Редигера и стратегическим мышлением Палицына, его последующая деятельность наглядно показали все пагубные последствия их соперничества.

Взлеты и падения в служебной карьере генерала сопровождались драматическими событиями в семейной жизни.

В 1875 году Палицын женился на Марии Антоновне Скалон⁸. Она родилась 1 октября 1849 г. в Санкт-Петербурге в семье действительного статского советника и камергера А.А. Скалона.

В 1876 году у них родился первенец – сын Федор, но умер, не дожив до двух лет. Антон, родившийся в 1881 г., умер в 1883 г. 14 января 1879 в семье Палицыных родился еще один сын, получивший имя Федора, а 23 февраля 1883 – самый младший сын – Сергей.

Судьба была немилостива к супругам, ибо и двое оставшихся сыновей не дожили до зрелого возраста. Поручик лейб-гвардии Конного полка Сергей Федорович Палицын, будучи в отпуске в Ницце, 19 декабря 1905 скончался от раны, полученной вследствие неаккуратного обращения с оружием.

Судьба Федора Федоровича была еще более трагична. Он погиб 5 июня 1909 года в результате падения воздушного шара «Генерал-лейтенант Ванновский», принадлежавшего Всероссийскому аэроклубу. Как потом показало расследование, оболочка шара была прорвана во время его переноски, но повреждение было обнаружено только в воздухе. Полет был демонстрационный, поэтому вместе с инженером министерства путей сообщения Федором Федоровичем Палицы-

---

⁸ РГИА. Ф.1162. Оп.6. Д.398. Л.16 М и об.

ным-младшим в корзине шара находились его супруга Надежда Вячеславовна (урожденная фон Брадке, 1887–1957), заместитель председателя аэроклуба, заведующий канцелярией и секретарь императрицы Александры Федоровны граф Я.Н. Ростовцев и аэронавт капитан Н.Н. Герман.

Шар быстро поднялся в воздух на высоту около 800 метров, затем был отнесен ветром к Шлиссельбургскому тракту (совр. проспект Обуховской Обороны), где пересек Неву. Полет продолжался не более 15 минут, когда шар вдруг резко пошел вниз и буквально рухнул на землю на правом берегу Невы, за фабрикой Торнтон (совр. – в районе комбината им. Э. Тельмана).

Когда к месту падения подоспели врачи, Федор Палицын был уже мертв. Его супруга получила тяжелые травмы, также был ранен пилот Герман. Меньше всех из участников полета пострадал граф Ростовцев, который во время падения догадался покинуть корзину и вскарабкаться вверх по веревкам, соединявшим ее с шаром.

Гибель тридцатилетнего сына стала страшным ударом для родителей, которые потеряли к этому времени уже трех сыновей. Федора Палицына похоронили на Казанском кладбище в Царском Селе, возле могил его братьев.

Чудом уцелевшая после катастрофы Надежда Вячеславовна осталась одна с внуком генерала Палицына Сергеем, и спустя некоторое время вышла замуж за Георгия Маврикиевича Дестрема, вместе с которым эмигрировала во Францию

в 1917 году.

Мария Антоновна, супруга генерала, так и не смогла оправиться после смерти всех своих сыновей и умерла в 1915 году.

Немногим меньше года после смерти первой супруги, 24 апреля 1916 года Ф.Ф. Палицын женился вторично на вдове финляндского дворянина Артура Блезе, Анне Михайловне, тоже урожденной Скалон⁹. Именно Анна Михайловна, как следует из её автографа в конце текста рукописи¹⁰, подготовила и передала после смерти генерала папки с «Записками» на хранение в Стэнфордский университет.

Наследником и продолжателем рода Палицыных стал Сергей Федорович Палицын-младший (6 (19) августа 1906, Санкт-Петербург – 4 декабря 1978, Париж, Сент-Женевьев-де-Буа) впоследствии коммерсант, редактор и церковный деятель. Внук Ф.Ф. Палицына окончил в Париже Русскую гимназию, позднее – лицей Мишле в Ванве, где получил диплом коммерческого специалиста со знанием английского языка.

С 1926 по 1928 работал секретарем рекламного отдела фирмы «Мессано» (выпускавшей товары для детей). В 1928–1935 гг. редактировал журнал «Vu» и некоторые другие. В 1939 был призван в вооруженные силы Франции, участвовал

---

⁹ РГИА. Ф.1162. Оп.6. Д.398. Л.121

¹⁰ Палицын Ф.Ф. Записки. Т.2. – В дальнейшем ссылки на настоящее издание не приводятся.

в боевых действиях, попал в плен, но в 1943 бежал и скрывался от нацистов до освобождения Парижа. Впоследствии, до 1972 года, работал в различных коммерческих организациях, одновременно в течение многих лет являлся членом приходского совета церкви Святого Иоанна Воина в Медоне, где священником был отец Александр Трубников.

В настоящее время в Париже живет и работает правнук генерала – Федор Сергеевич Палицын (3 апреля 1945, Булонь-Бийанкур, под Парижем). Финансист, окончил в 1969 году Высшую школу коммерции и экономики, а с 2000 по 2009 гг. учился на богословском факультете Католического института Святого Дионисия в Париже. В 1990–2009 гг. – генеральный секретарь и финансовый директор фирмы «Siemens France».

* * *

С началом войны, в начале ноября 1914 года Ф.Ф. Палицын добивается разрешения находится в действующей армии, где исполняет должность генерала для поручений и советника при штабе главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта Михаила Васильевича Алексева.

По роду своей деятельности ему также приходится постоянно контактировать с Верховным главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем, что позволяет ему быть в курсе операций, проводимых и на других фронтах,

и подробно анализировать на страницах записок как общее положение, так и детали боевых действий. Он инспектирует подготовку оборонительных сооружений Ковенского района, в Бресткой крепости, готовит доклады о состоянии тыловых коммуникаций, железных дорог в прифронтовой полосе, военных поставок, артиллерийского и иного снабжения.

Его записи отражают обычно скрытую сторону деятельности штабных и руководящих военных инстанций, раскрывают подлинный механизм выработки решений, функционирования военной машины во всех ее подробностях. Деятельность многих военачальников подвергается в его воспоминаниях неприкрытой и беспристрастной оценке, со всей военной неразберихой, ошибками и казусами.

В августе 1915 года произошло событие, изменившее всю расстановку сил в высшем командовании. Император Николай II принял решение возложить на себя роль Верховного главнокомандующего, а великий князь Николай Николаевич был отправлен наместником на Кавказ.

Как один из ближайших сотрудников великого князя Ф. Ф. Палицин в декабре 1915 также прикомандировывается к штабу Кавказского фронта, где и находится до сентября 1916.

Между тем ситуация на Кавказском фронте в плане управления оказалась чрезвычайно запутанной. Великий князь Николай Николаевич стал главнокомандующим Кав-

казским фронтом, генерал Н. Н. Юденич – командующим Кавказской армией. Штаб фронта и армии организационно не были разделены, непосредственное управление армиями фронта осуществлялось Юденичем, под формально высшим руководством великого князя.

Путаница с тыловым устройством, командно-организационная сумятица во многом нивелировала боевые успехи корпусов и дивизий. Несмотря на ряд удачных операций, результат не всегда был таким, как планировался, о чем с горечью пишет Палицын. Мужество, решительный порыв боевых подразделений во многих случаях растрачивались понапрасну. Юденич, как пишет, Палицын подчас руководил операциями армии издалека, по телеграфу, не имея возможности ориентироваться в реальной обстановке на местах. Штабные офицеры злоупотребляли канцелярщиной, оперативные директивы проводились с опозданием.

К сожалению, ни статус действительного члена Государственного Совета, ни высокий воинский чин генерала от инфантерии, без реальной командной или штабной должности не позволял Палицыну быть максимально полезным на этом месте.

Подготовка специальных аналитических записок, различных предложений и выполнение сколь угодно сложных поручений не могли удовлетворить человека, который мог и хотел быть полезным своей стране.

В сентябре 1916 он был назначен представителем Ставки

в Военном совете союзных армий во Франции, но и там его деятельность ограничивалась преимущественно представительскими функциями.

5 мая 1917 в связи с упразднением должности члена Государственного Совета по назначению был уволен от службы и оставлен за штатом, а 14 декабря 1917 на основании декрета Совнаркома был уволен заочно, причем дата увольнения была определена 25 октября 1917 г.¹¹

20 сентября 1917 Ф.Ф. Палицын покинул Россию по службе и уже навсегда оказался в эмиграции во Франции, сначала даже не подозревая об этом.

В 1918–1920 гг. он возглавлял ряд комиссий и Военно-исторический и статистический комитеты при Русском политическом совещании в Париже, принимал участие в подготовке справок и докладов для возможного участия российских представителей на Парижской мирной конференции.

К концу 1920 года материальное положение Ф.Ф. Палицына и его семьи значительно ухудшилось, как, впрочем, и многих русских военных, оказавшихся за рубежом. В январе 1921 года генералу удалось не только основать в Париже Союз русских офицеров – участников войны, одной из целей которого был сбор средств и помощь нуждающимся, но и добиться его признания как равноправного участника во французском Национальном союзе комбатантов (Association nationale des camarades de combat).

---

¹¹ РГИА. Ф.1162. Оп.6. Д.398. Л.148об-149

Отрывочные сведения по истории возникновения этой эмигрантской организации были опубликованы в сборнике документов о русской военной эмиграции¹².

Так, в письме одного из руководителей Российского общевойскового союза (РОВС) Е.К. Миллера П.Н. Врангелю от 17/30 сентября 1923 года указывается на «...значительное количество в составе Парижского союза почтенных генералов и офицеров, не связанных в прошлом с Русской армией и, наконец, в виду особых условий образования здешнего офицерского Союза, возникшего в свое время ... по почину генерала Палицына, исключительно как благотворительное общество...»¹³.

Однако нравственных сил, здоровья и средств для реализации нового детища по-прежнему не хватало. Отношения с представителями французского истеблишмента значительно ухудшились, и Палицын принял решение о переезде в Германию. В конце лета 1921 года Палицыны перебрались в Берлин. И здесь немолодой генерал также не смог остаться в стороне от общественной деятельности.

В памятной записке о возникновении и деятельности берлинского отдела Общества офицеров Генерального штаба в Германии от 29 апреля 1923 года, составленной для руководства РОВС, приезд Палицына в Германию отмечен особо.

---

¹² Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. Т.2. «Несбывшиеся надежды... 1923 г.», М.: Триада-Х. 2001

¹³ Там же, С. 385–389

«Перелом в жизни отдела, — значитесь в докладе, — произошел с момента вступления в число его членов генерала от инфантерии Ф.Ф. Палицына, совпавший с приездом нового представителя генерала Врангеля полковника фон Лампе.

Новое правление с первых же дней своего существования энергично принялось за дело объединения офицеров Генерального штаба и приняло все меры, чтобы это объединение действительно проявилось, а не осталось лишь на бумаге, как это было до тех пор. Генерал Палицын своим авторитетом и популярностью и популярностью среди офицеров Генерального штаба много поспособствовал тому, что очередные общие собрания, на которых он неизменно присутствовал, посещались охотно и с интересом. Собрания первое время собирались два раза в месяц, но уже с сентября происходили еженедельно.

По предложению генерала Палицына каждый из присутствующих по очереди докладывал собранию о своей службе, начиная с первых дней Великой войны. Эти доклады естественно приводили к обсуждению операций как Великой войны, так и Гражданской, и в прениях принимали участие все присутствовавшие»¹⁴.

Необходимо также отметить, что именно к берлинскому периоду жизни Палицына относится и начало публикации «Записок» в журнале «Военный сборник» — «В штабе Севе-

---

¹⁴ Там же, Т.2. С. 288–290

ро-Западного фронта»¹⁵.

Скончался Федор Федорович Палицын в Берлине 19 февраля 1923 года. Несмотря на неоднозначную оценку его роли и места в период его службы во главе Генерального штаба, а главное, не взирая на стесненность в средствах, товарищи по оружию смогли найти возможность почтить его память.

Так, в сводке о жизни союзов во 2-м отделе РОВС указано, что «...Союзу с большим трудом, но удалось осуществить свое решение увековечить память его первого председателя и бывшего начальника русского Генерального штаба генерала от инфантерии Палицына.

На средства, полученные от сбора в парижском офицерском собрании, основателем которого был генерал Палицын, среди офицеров Генерального штаба в Германии, пожертвования от военного представительства в Германии был поставлен памятник на могиле покойного Ф.Ф. Палицына, и в присутствии почти всех членов памятник был освящен и отслужена панихида»¹⁶.

Могила Ф.Ф. Палицына на берлинском кладбище Тегель сохранилась до настоящего времени¹⁷.

---

¹⁵ Палицын Ф.Ф. В штабе Северо-Западного фронта. //Военный сборник. 1922. № 3. С. 158–185; 1923. № 4. С. 266–282; № 5. 1923. С. 308–325

¹⁶ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. Т.5. Раскол. 1924–1925 гг. М.: РГГУ, 2010, С.162

¹⁷ <http://pogost-tegel.info>

Настоящая рукопись, озаглавленная автором «Записки генерала Ф. Палицына (1914–1921)», хранится в архиве Гуверовского института Стэнфордского университета.

Текст напечатан на пишущей машинке на листах форматом 21,5 на 28,5 см через копировальную бумагу и является 2-м экземпляром рукописи.

На страницах текста имеются многочисленные рукописные вставки от нескольких слов, обозначающих географические наименования или фамилии лиц на французском языке, до многостраничных текстов документов, опубликованных ранее во французской периодической печати и вписанных в промежутки между машинописным текстом. Некоторые имена собственные и топонимы даны в транскрипции, отличающейся от современной.

Хронологически записки охватывают период с 18-го октября 1914 по 27 марта 1921, когда генерал Ф.Ф. Палицын сделал последнюю запись в своем труде, подводя итоги почти семилетней работы.

Рукопись Ф.Ф.Палицына представляет собой три сброшюрованные папки. Каждая имеет свою валовую нумерацию, общим объемом около 1400 страниц.

1. Северо-Западный фронт, 1914–1915 (с. 1– 217); Кавказский фронт, декабрь 1915 – сентябрь 1916 (с. 218–348).

Приложения: полевые книжки, доклады, донесения (Северо-Западный фронт, апрель – август 1915) (с. 428–486); (Кавказ, декабрь 1915 – сентябрь 1916) (с. 349–427).

2. Франция, 1916–1921 (с. 1 – 631);

Приложения. Полевые книжки 1917: письма, донесения. (Франция, январь – ноябрь 1917) (с. 632–680).

3. Пережитое. 1916–1918 (с. 1 – 192, 259–301).

Собственно, последняя папка представляет собой более ранний набросок рукописи, содержащейся во 2-й папке, но включает отдельные эпизоды, опущенные Ф. Ф. Палицыным при подготовке рукописи 2-го тома.

1-я и 2-я папки озаглавлены автором, как соответствующие тома «Записок генерала Ф. Палицына».

Записки содержат не только сведения о военных действиях в Восточной Пруссии, Польше и на Кавказском фронте в 1914–1916 гг., участие русских экспедиционных частей в боевых операциях во Франции и Греции, анализ взаимодействия союзных войск при подготовке и проведении совместных операций, но также и личную оценку автором событий и действий военных и гражданских властей в России в описываемый период.

Особую значимость работе Ф.Ф.Палицына придает отчетливо дневниковый характер большинства записей. И это существенно отличает рукопись от многочисленных воспоминаний участников Великой и Гражданской войн, созданных значительно позже описываемых событий, когда политиче-

ские позиции авторов были уже жестко определены и даже признание каких-либо положительных качеств за противником рассматривалось как отступление или капитулянство.

Безусловно, записки составлялись на основе регулярных записей, которые не сохранились или, что вполне возможно, были автором уничтожены. В тексте присутствует всего несколько авторских упоминаний, свидетельствующих об использовании дневниковых записей в дальнейшей работе над рукописью.

Так, 19 июня 1915 года в тексте появляется запись: «Будучи не у дел, я пишу и рассуждаю. Что я бы делал, если был бы ответственным деятелем? Я думаю, то же самое», а 8 ноября 1915, находясь под тяжелым впечатлением от смерти жены и перевозки ее тела из имения Травино в Тульской губернии в Петроград, а также от обстановки на фронте и в тылу, Палицын записал: «Два месяца не заносу ничего из того, что меня волнует и занимает».

Трудно объяснить, например, такое обстоятельство, что больше всего упоминаний о работе с дневником было сделано в марте-апреле 1918.

1 марта Палицын чрезвычайно четко формулирует своё представление о целях и задачах своих записок: «Мои записи не исследование. Записываю, что думаю. Чтобы объяснить причины бед наших, надо отдельно разобрать все перечисленные выше элементы, дать им оценку, ту, которую дала мне моя продолжительная жизнь и мое знакомство с учре-

ждениями, которые правили русской жизнью. Смелая задача. Но, вероятно, не я один думаю и обсуждаю эти вопросы, и если в будущем мои слабые строки встретятся с мыслями лиц более знающих, более опытных и наблюдательных, быть может, и эти слова прольют кой-какой свет на причины современных явлений».

22 марта генерал отмечает, что «...был занят все время, и это мешало ... вести мои записки», а 26 марта вдруг вспоминает, что ему было «...ясно еще в январе и феврале 1917 года, о чем ... и телеграфировал в нашу Главную квартиру и занес в своих записках тогда и в феврале этого года...». 3 апреля автор вновь обращается к прошлому: «В 1916 году, наблюдая жизнь, я отметил в своих записках, что в 1918–1919 мы будем во власти величайшего врага человечества – голода».

И вдруг 7 апреля следует запись, в которой Палицын неожиданно задумывается о будущем своего дневника: «Он, [В.И. Гурко] был занят вопросом издания своих записок, или дневника; хорошее дело. Не приняться ли и мне за обработку своих записок. Слишком много в них интимного, и это меня удерживает». И здесь необходимо отметить, что, подготавливая вариант для публикации, Палицын твердой рукой изъясил из текста практически все, что могло бы иметь отношение к его личной жизни.

Последнее упоминание относится к последней записи в рукописи от 23 марта 1921 года:

«Я прекращаю свои записи: нет времени и нет сил записывать».

Те м не менее значительный интерес вызывает авторская позиция практически по всем основным вопросам, занимавшим умы современника в эпоху революций, в годы 1-й мировой и гражданской войн.

Записки Палицына интересны тем, что охватывают весь период коренного перелома в жизни России с 1914 по 1920 гг., а в тексте уживаются и точка зрения профессионального военного, и переживания гражданина, наблюдающего крушение великой страны и с трудом воспринимающего истинные масштабы глобальной катастрофы.

Записи 1914–1915 гг. больше касаются военных аспектов происходящего на фронтах. Палицын пишет о русской армии в превосходных тонах: «Бесспорно, инструмент, которым мы владеем, превосходен. Приходя в контакт с противником, он его бьет и в условиях наиболее трудных, когда он действует на фронт противника». Однако еще через месяц замечает, что «...Войска хороши и все сделают, но недостаток в снабжении может поставить свои властные требования».

И наконец: «Наша манера стоять и отражать – доблестна, но в оперативном отношении она выгодна только противнику».

Постепенно настроение и тон отзывов меняются, появляются все больше и больше критических замечаний, отража-

ющих сложное положение на Восточном фронте и начавшееся наступление германских войск.

Вот запись от 4 июля 1918 года:

«Но горе в том, что войска слабы числом, много невооруженных, патронов мало, офицеров недостаточно, артиллерия сократилась, снарядов мало. С армией начала войны, мы в этом опасном положении не только бы удержались, но могли бы разбить врага...».

И чуть дальше:

«Эти крошки войск, что дерутся на юге, выказали столько самоотверженной силы, что диву даешься, откуда она взялась в людях, истомленных месячными боями и непрерывными отступлениями. ...Наступает серьезная минута для армии».

«Враги безнаказанно бьют нас. Поэтому обороняясь мы, надо думать, теряем больше их. При таких условиях думать о наступлении, не имея перевеса в силах, не приходится. В этом трагизм нашего положения; его плохо понимают в России. У нас громадная армия по спискам, но дай Бог, чтобы борющихся из этой массы было бы 40–50 %. И это мало кто знает. А так как борющаяся масса тает, а рабочая и находящаяся сзади не тает, а растет, то окажется – взяв 1 мил. ртов, биться может быть будет 300 тысяч. И все это создано постепенно».

Обстановка меняется к худшему, и тон записей делается все более и более мрачным: «События принимают трагиче-

ский оборот. Опасаюсь худшего и не от противника, а от самих себя».

Все больше и больше места занимает в записках состояние тыла фронта:

«15-го августа. В тылу столпотворение и такая гибель невооруженных солдат, что голова кружится. Все это сидит в вагонах днями и распускается, а изнутри страны двигаются новые пополнения, идут новобранцы, мальчишки. Хорошая для них школа для начала?»

«Мы оторвали громадное количество людей от всего. У нас, наверное, на казенном пайке более 5 миллионов, а бойцов, дай Бог, 400–500 тысяч, т. е. 1/10 или и 1/8. При таком отношении успешно войну вести нельзя, даже в том случае если будет не 1/8, а 1/4»

К теме беспорядка в тылах добавляется тема наступающего коллапса на транспорте и лавинообразно нарастающая проблема беженцев.

«На железных дорогах полный беспорядок, нарожденный не железными дорогами, а совокупной деятельностью всех. Дисциплины никакой. В деятельности снабжения путаница и противоречия невероятные. Нет власти, нет руководства, а войска без железных дорог, в то время, когда они больше всего нужны, и так нужны, что без них армия будет бедствовать. Гражданская власть действует в вопросах о беженцах наперекор интересам армии. Напрасно несчастных, срываемых с земли, называют беженцами. Они не бегут, а главную

массу выселяют. Бедствие сильное и в конце концов обратится против нас. Дороги будут запружены; железные дороги тоже. Эпидемии найдут богатую пищу и распространение.

9 дней жил в этой бедственной обстановке – среди страданий массы стариков, женщин, детей, спасающихся со своим скарбом. Ужасная картина разорения. И это дело неразумия гражданских властей и своеволия военных частей, тоже занимающихся выселением».

«До каких размеров дорастет это бедствие и сколько погибнет человеческих жизней и имущества, и сказать нельзя. Армии придется пережить очень трудное время благодаря новым и очень неудачным мерам по устройству тыла».

С точки зрения Ф.Ф. Палицына, ситуация в августе 1915 года еще не вышла из-под контроля и еще существовали реальные возможности изменить положение коренным образом: «Дела наши не так плохи, нам надо привести в порядок весь тыл, железные дороги, все, что будет в тылу. Надо пересмотреть и сократить те сотни тысяч здоровых солдат, которые бродят под различными наименованиями сзади и могли бы образовать не одну, а две, три армии такой же численности, как и борющаяся... Нехорошо то, что в народе утвердился сознание, что очень плохо, что враг одолевает. А одолевает не враг, а наша беспорядочность и канцелярщина».

Особое внимание уделяет Палицын и проблемам командования и управления войск. Его оценки как человека не понаслышке знающего лично практически весь генералитет

империи звучат особенно горько.

«Считаю, что и Ставка очень и очень грешна, и грех этот всею тяжестью ложится на умиротворяющего Янушкевича. Если послушать рассказы, вникнуть в отношения, то кроме абсолютной неподготовленности, как оперативный начальник штаба, он, к великому сожалению, и большой пошляк... Среди всех видов довольствий, понятно, артиллерийское играет первую роль. Мы не предполагали такого расхода, мы не предполагали войны таких размеров. Но первый месяц указал ясно, что должно дать Военное министерство и страна. Сделали ли они что-нибудь толковое и существенное. Вот в этом вся суть. Если сделано, но не вышло не по его вине – прощение. Если не сделано – виселица. Прискорбно одно, никакие кары будущего не помогут настоящему!»

«...М. В. [Алексеев] и Пустовойтенко прямо в отчаянии от работы штаба. То, что я вижу, лишь подтверждает это. Не умеют работать и не хотят, а между тем чванны и с самомнением. Я столкнулся с чинами штаба на дорогах, и если у меня была бы власть, я бы в неделю разогнал главных деятелей и взял бы первых попавших – лучше было бы».

Ф.Ф. Палицын, постоянно соприкасаясь с главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта генералом М.В. Алексеевым, видит, в какое сложное положение поставлен командующий, и более всего переживает, что изменить это положение не в силах ни он, ни командующий, ни даже великий князь Николай Николаевич как Верховный главноко-

мандующий.

Он пишет:

«Положение главнокомандующего очень тяжелое. Мои чувства и доверие к М.В. вне сомнения. Идеальный начальник штаба, в нем, однако, отсутствуют некоторые данные. Почти всю свою жизнь в должности подчиненного, ему трудно, а за месяц, вижу, очень трудно стать в положение большого начальника. Его природная деликатность мешает ему ставить на место командующих армиями... Как ни всеобхватывающа личная его деятельность, но остается достаточно, и не для одного, а для двух начальников штаба. В этой громадной, личной и, скажу, главным образом организационной работе, большое горе; энергия мысли М.В. ими задавлена. И действительно, когда нужно все создавать, когда нет пополнений, ружей, патронов всех сортов, средств для связи, ... когда от кровавых боев войска истощаются и слабеют, а само положение, в смысле главного, их безопасности, безотрадно – думать об операциях трудно».

«...Мы считаем, что он даст все, что может дать сильный и проникнутый любовью к Отечеству человек. Опасность в его помощниках и в командующих армиями. Но в оправдание ему – ни одного из них он не назначал и не выбирал».

Особое место занимает в записках Палицына ситуация, связанная со сменой Верховного главнокомандующего и влиянием, которое может оказать император как новый главнокомандующий на общее положение.

Палицын видит и недостатки Николая II как Верховного главнокомандующего:

«Мы живем в положении, где нет хозяина. Творец этого положения при том, что должен быть хозяином, по личным качествам [не] может быть хозяином. Его ложное понимание природы войны, несомненно, влияет на то, что хозяин обезличивается, а приказчикам свободы не дают, ни в действиях, ни в замысле».

Однако, сознавая все плюсы и минусы этого шага, Палицын отмечает:

«... Что будет впереди, мы не знаем, но время для этой перемены выбрано неудачно для всего дела.... Но я имею чувство, что это не совершится. Я совершенно спокойно смотрю на это, ибо уверен, что перемены не будет и останется по-старому».

Он даже находит положительные стороны в этом решении: «Есть и выгоды, но они теоретического свойства: все органы государства будут, надо думать, работать иначе, но, повторяю, это теоретически. Зная людей и ход нашей жизни, я этого не предвижу. ... Личное присутствие государя при армии, кроме добра и пользы, ничего принести не может...».

Правда, в рукопись позднее была добавлена авторская реплика: «Основательно ошибся!».

12 декабря 1915 года Ф.Ф. Палицын получает новое назначение и отправляется в распоряжение главнокомандующего Кавказским фронтом великого князя Николая Нико-

лаевича. Кавказский период в его жизни и службе отмечен соприкосновением с таким, как оказалось, неразрешимым клубком проблем, как тыловые и транспортные службы Кавказского фронта, Кавказской армии и Кавказского военного округа.

Конечно, прямое общение военачальников с войсками, участие в транспортном обеспечении ряда больших войсковых операций, если не изменили, то скорректировали ситуацию в лучшую сторону. И все же общая оценка остается не слишком радужной.

«Беря наших деятелей, которые стояли у руля хода событий, беря деятельность наших военно-гражданских учреждений, беря нашу интеллигенцию, совершенно не подготовленную ни школой, ни жизнью к борьбе за эту жизнь, я победоносного конца, такого, о котором говорили такие умные люди, как мои коллеги по Совету, не говорю об остальных и о газетах, – не вижу.

В 1914 году я высказался, что в лучшем случае война с подготовленной и воодушевленной Германией кончится ни то ни се. Главное – победа организованности, высшей культуры и техники должна совершиться на западе; но успех на западе будет низведен в общем бессилием на востоке. Странные слова, странные мысли. Народ, серый народ дал несоизмеримо больше, чем можно было после 1905–1906 ждать. Как всегда на войне бывает, всплыло нехорошее, но ярко и сильно выступило хорошее».

Будучи человеком, обладающим незаурядными аналитическими способностями и хорошо информированным о положении не только на всех фронтах, но и в стране в целом, Ф.Ф. Палицын мог по ходу развития ситуации делать выводы, раскрывающие смысл и взаимосвязь между событиями, в том числе и на политической арене, с учетом расклада сил между союзниками по Антанте и блоком Центральных держав.

Видимо, с учетом именно этих его качеств, ему было предложено следующее назначение.

30 сентября 1916 Ф.Ф. Палицын был вызван в Ставку Верховного главнокомандующего для получения инструкций, связанных с его новым местом службы – представителя российской действующей армии при штабе Главнокомандующего французскими вооруженными силами.

Это назначение оказалось последней должностью генерала Ф.Ф. Палицына в российской императорской армии. Именно во Франции он получил известие о Февральской революции, именно в Париже ему довелось узнать об установлении в России власти Советов, заключении позорного Брестского мира, отчаянных попытках Белого движения сохранить страну и, наконец, победе советской власти в гражданской войне.

Прибыв в столицу Франции как представитель Верховного командования, Палицын уже в который раз столкнулся с практически полным отсутствием прав и реальных полномо-

чий при такой перспективной должности.

Его бывший подчиненный военный агент граф А.А. Игнатьев распоряжался всеми финансами, выделяемыми русским правительством для расчетов по военным заказам во Франции, и, по меткому замечанию генерала, «...денежный сундук был в его распоряжении, и он мог дать или не дать, ... ибо для этого не было выработано правил. Те, которые его не признавали, в конце концов, все-таки должны были придти к нему».

Другой проблемой, с которой довелось столкнуться Палицыну во Франции, оказался Русский экспедиционный корпус с многочисленными вопросами размещения, комплектования и лечения раненых военнослужащих. И если французская сторона делала все, чтобы удовлетворить запросы русских союзников, то соотечественники вели себя, как капризные барышни, осложняя и так непростую обстановку.

Не меньше сложностей доставили своему представителю и бывшие соратники из Главного управления Генерального штаба, когда началось переформирование русских Особых бригад в дивизию:

«Наши обе бригады должны были развернуться в 2 дивизии. Я просил развернуть их по французскому образцу, что отвечало всем военным требованиям и важнейшему управлению. В декабре представил расчеты и просил, чтобы прислали только людей, а все остальное сделаем здесь, что будет удобнее, дешевле и скорей. Но канцелярия решила по-сво-

ему. Ей до условий обстановки и существенных интересов нет дела. Она делает по трафарету и, сделав, думает, что исполнила свой долг. От нее-то мы и гибнем, ибо канцелярии до жизни никакого дела нет.

Долго они в Петрограде рядили, и наконец наперекор всем представлениям решили создать одну дивизию с артиллерией, с обозами, с лазаретами и т. п., как для французского фронта, так и для Салоник».

Однако все эти сложности поблекли на фоне известия о вооруженном выступлении, получившем известность, как восстание в лагере Ля Куртен. Сопротивление восставших было подавлено при помощи союзников, но в деталях этого события, как в капле воды, отразились многие проблемы, связанные с пребыванием русских солдат на Западном фронте.

Палицын отмечал:

«Наши бригады были выброшены в чужую страну, как выбрасывают щенков в воду... Какой-либо организации и устройства вне войсковой зоны не было, и наши люди брошены были в госпитали с чужими людьми, не знающими ни нашего языка, ни потребностей, ни привычек наших людей...»

И дальше:

«Для многих из них я, однако, был ставленник царя и старый бюрократ. Нельзя же разубеждать массу. Но что для меня, старого солдата, было сильным и неисправимым ударом – это вся обстановка людей, их выражение, их отношение.

Я увидел других людей, совсем других, чужих по всему, и это было очень больно, и этим болею до сих пор».

В Париже генерал постоянно сталкивался с союзниками, у него появилась возможность получать информацию о ходе военных действий на Западе из первых рук и, соответственно анализировать ее. Проблема единого командования, отсутствие скоординированности в планировании стратегических операций, развитие военной техники и военной мысли, участие огромных народных масс в военных действиях и особенности национальной психологии воюющих сторон, возможные условия будущих мирных переговоров – эти и подобные темы нашли свое отражение в записках Палицына.

Палицын писал:

«Вся 3-х летняя война дала нам яркие доказательства не только импотенции военной мысли, сколько импотенции в исполнении. По-крайней мере у нас все являлось сложным, трудным до невозможности, кроме одного – отдачи приказа об атаке, когда без всякой надежды на успех гибли и калечились сотни тысяч».

Возможность революции в других странах – участниках войны генералом не отвергалась, но и в эти выкладки были внесены коррективы:

«В начале войны, в 1914 г., я высказал мысль, что Германия будет побеждена, когда это захочет народ, т. е. когда он восстанет против власти. Теперь, после 4½ месяцев со дня революции и на основании всего пережитого я думаю, что

германский народ никогда не восстанет, а после нашей революции тем более... Победа Германии – улучшение положения рабочего, а вместе с тем улучшение социального положения трудящихся классов. И это немцы сознают ясно».

«Русский человек иного склада и души, и дисциплину нужно достигать иными путями. Строгостью, но справедливостью... Немец храбр, в общем послушен, но наш, в единицах и в массах, храбрее, самоотверженнее и до сих пор был послушнее. Перед нами факты, что он может исполнить то, чего современный культурный человек, в массе, не может исполнить, но мы этой особенностью как-то не пользуемся».

Как и многие военные, Палицын должен был определить и свое место во взбаламученной революционным вихрем стране, и он находит для себя нужные слова и записывает их в дневник:

«Мое отношение к Временному правительству ясно... Я присягал ему и буду служить ему верой... Не по присяге только, а по любви и по осознанию пользы Отечеству. ...Обратиться в крайнего я не могу, но желать, чтобы Россия жила в свободе и порядке, желаю, и буду способствовать, сколько хватит сил».

Однако столкновение с революционной действительностью в Петрограде поставило крест на возможности непосредственного служения стране, вернувшись в Россию. Приехав на несколько дней в Петроград, Палицын на месте в этом убедился.

«Все мои проекты обосноваться в России, вне Петрограда, рухнули, и я пришел к выводу, что лучше всего переждать год или 1½ во Франции, где, кроме того, могу работать, помогая Павлу Игнатьеву по разведочной части».

Приняв в начале 1917 года участие в проверке работы Русской миссии в Межсоюзническом комитете, Палицын планировал заняться военной разведкой, но заключение Брестского мира заставило отказаться его от этих планов¹⁸.

Но больше всего Палицына занимали вопросы, связанные с необратимыми революционными изменениями в России.

«События в нашем отечестве таковы, что вера в будущее его начинает колебаться. К внутреннему разладу прибавляется внешний. Украина, Кавказ, Бессарабия и Финляндия отделяются... Кто захочет, тот и провозгласит свою самостоятельность, благо петроградские правители, в лице Ленина и присланных, приглашают всех к такому отделению. Сплошной сумасшедший дом. Вместо великого еще в недавнем государства, в несколько месяцев могучее государство обратилось в ничто, и не от внешнего врага, а деяний умов и рук собственных сынов».

Он продолжает размышлять над причинами революционного взрыва и приходит к самым неутешительным выводам.

«Да, прежний режим и война подготовили события. Законодательные собрания (Дума в особенности) подготавлива-

---

¹⁸ В.А.Авдеев. В.Н.Карпов. Секретная миссия в Париже. Граф Игнатьев против немецкой разведки в 1915–1917 гг... – М.: Вече. 2009. С.267

ли переворот, ослабляя власть, старую, безличную и неумелую. Война, вызвав большое напряжение, глупо и нехозяйственно веденная в экономической ее части, ослабили народ материально и духовно. Генеральный штаб, того не подозревая, подготовил бойцов революции, и когда роспуск Думы вызвал накопившееся негодование и злобу, когда царь капитулировал вместе с его заместителем, взамен этой власти наверху оказался быстро сформированный Совет в Петрограде, и обалдевшее и мечущееся самозванное правительство из Думы, с места выпустившее все нити...

Не владея военной силой, она не владела телеграфом и страной, ибо все, что было губернских установлений: губернаторов, исправников, станowych, урядников, полицию — она все это уничтожила, поставила что-то новое, вроде комиссаров и милиции. Образовалась одна общая административная трясина.

А Совет, рядом с Временным правительством, принялся за армию и блистательно провел свое разрушение, а с этим вместе разрушили и Россию».

Особенное неприятие и полное разочарование в бывших союзниках вызывает у Ф.Ф. Палицына Брестский мир и все, что с ним оказалось связано. И тут автор видит не только вину Германии, но и попустительство со стороны Англии, Франции и Соединенных Штатов. Но к большевикам и Германии претензии особые.

«Гнусную роль взяла на себя Германия. С каким, однако,

презрением она должна смотреть на тех, которые с ними так пошло и быстро переговариваются.

... Переговоры похожи на игру кошки с мышкой.

Но в лице делегатов, представляющих собой 180 млн. большое государство, если смотреть на это серьезно, по-видимому, сосредоточилась вся умственная и нравственная слабость этого государства.

Они прибыли по приказу, чтобы во что бы то ни стало вести переговоры для заключения мира, ибо мир нужен для упрочения власти Ленина и прочих, но не для России».

Он вспоминает свои молодые годы, когда в его окружении были те, кто позднее ушел в революцию, и поражается, как после революции изменилось отношение союзников к его стране. Оказывается, «извне Россия была окружена врагами, с ней считались, как с большой военной силой, но не любили и не верили, ибо не знали ее. Знать слабости не значит знать народа, а о России знали, что она безличная, ленивая, неряшливая, пьяная и в делах не всегда чистая».

Как мало изменилось за прошедшие сто лет!

Германии Брестский мир был выгоден хотя бы потому, что выход России из войны автоматически укреплял позицию Германии на Западном фронте. И с той же рациональной точки зрения – такой мир должен быть невыгоден союзникам. Только сильная Россия могла оттянуть германскую армию от Запада.

Но вопреки всем доводам разума страны Антанты равно-

душно взирали на унижение России. Ослабление России было им так же на руку, как и немцам. Интересы, как уже много раз было в истории, опять совпали.

11 ноября 1918 года в Компьене Германия и представители союзного командования подписывают соглашение о перемирии. Мировая война окончена, и теперь на повестку дня встают вопросы мирного урегулирования. На первое место выходит со своими мирными предложениями президент США В. Вильсон.

Летом 1918 года Ф.Ф. Палицын записывает в дневник слова, которые звучат поразительно современно:

«Очень возвышенна и даже благородна эта декларация. А разве наши формулы: ни аннексии, ни контрибуции, и пусть каждый народ сам определяется и решает, что с собой делать, отделяться или присоединяться – не хороши и не чувствительны? И Брест-Литовский договор, который должен был осуществить эти начала, – не прелесть ли? На самом же деле вышло одно предательство и насилие...

Не знаю, почему Вильсон может воплотить в себе все страдания и все вожеления народов, столь различных по их существованию и природе... И почему он все это может дать, он, временный руководитель сложной американской жизни. По какому праву он и американский народ намечают будущее устройство и внутреннюю жизнь всего мира. Он, который почти три года смотрел бесстрастно, как потоками лилась человеческая кровь и гибло европейское достояние. Не

ясно это мне, не ясны побуждения».

А в России разворачивается гражданская война, страну при самом ближайшем участии союзников рвут на части.

У Палицына, да и у многих представителей русской эмиграции, возможности выбора союзников в борьбе за свою Россию нет. Но и не реагировать на враждебное отношение к России он не может:

«Иначе говоря, Франция, т. е. государственные ее люди, для России нечего не сделают и, предоставив ее дела естественному ходу, будут исключительно заботиться о себе. Претендовать на это нельзя, но я думаю, что идя рука об руку по этому пути дело шло бы успешнее. Нет никаких оснований думать, что Англия и Америка пойдут по иному пути, т. е. забудут себя и будут думать о нас. Им самим не ясно, что такое Россия, что ей нужно. Современный порядок считается как порядок для России желанный, создавшийся по желанию народа. И зачем они будут вмешиваться во внутренние наши дела? Царское иго свергнуто, теперь в России желанная свобода, пусть русские ею наслаждаются. Мы же займемся там настолько, насколько это соответствует нашим интересам».

Немало горьких страниц занимает рассказ автора о его тщетных попытках повлиять на бывших союзников России, умерить их вполне корыстный интервенционистский настрой, вызвать сочувствие к положению внутри страны, к оказавшимся на чужбине военным. Но судьба империи не

волнует западные страны, они не понимают или не хотят понимать происходящее. Они готовы поддержать любой сепаратизм и даже объединение империи под эгидой мусульманской политики.

С одной стороны, неприятие методов революционного террора, с другой – понимание того, что Россия вообще может потерять свою государственность, – приводят Палицына к горькому конформизму.

«...Не нам здесь проводить по отношению России монархические начала. Если Россия их провозгласит, мы подчинимся этому, как подчинимся, если она скажет – быть Республике. И я буду честно служить последней, лишь бы она привела страну к порядку и к жизни...

Если бы меня привлекли в конгресс мира с правом голоса – я не пошел бы и отказался бы от этого, ибо считаю это ... воровским ... поступком.... Поступят ли так мои соотечественники, не знаю. Судя по тому, что делается, думаю, что они пойдут с чем-то соглашаться, что-то будут защищать и будут себя утешать, что исполнили свой патриотический долг. А я скажу, что они поступят как воры... в Смутное время... Ибо без полномочия от России никто от имени России с чужими не может ... решать судьбы России».

В ниже приведенном отрывке Ф.Ф. Палицын четко обозначил свою позицию и свое отношение ко всему, что происходило в России в 1914–1920 гг.

«Я задолго видел последствия, которые должны были раз-

виться из настоящего и прошлого, писал о них, записывал, убеждал, когда этому никто не верил... Изучая людей и жизнь и работая всегда для дела, я поневоле приобрел ту способность бесстрастной оценки людей и событий, крупных и мелких, которые для жизни мне казались необходимыми. Я одинаково мог окунуться в высший бюрократический мир и в мужицкую среду, с которой жил близко, чтобы познакомиться с их мышлениями, обычаями и мировоззрениями. Случайно все члены Царской семьи ныне налицо росли на моих глазах, и все проходило перед моими глазами с их особенностями и свойствами... Для меня это все люди, а не полуфантастические лица, о которых рассказывают в обществе и пишут в газетах небылицы. И мне все кажется, что особый ход моей жизни дал мне многое, чтобы правильно распознать жизнь, ее течения. Я любил и люблю людей. Я никогда не сужу их строго. Я знаю, что мы полны слабостей, но у всякого есть свои достоинства, и обязанность тех, кто должен жить с ними и управлять ими, пользоваться для блага дела последними и не давать ходу первым...»

Страницы «Записок» отражают не только непосредственную реакцию современника и участника грандиозных по своему масштабу событий. Благодаря их автору перед нами открываются разные миры, противоборствующие силы, участвующие в военных и политических действиях. Его специальные познания позволяют увидеть и оценить то, о чем редко говорят как о факторе побед или поражений в войне:

о снабжении, о тыле, о дорогах, госпиталях, беженцах и просто мирном населении, которое оказалось в зоне боевых действий. Именно эта часть обустройства русской армии оказалась самой уязвимой.

С таким же знанием дела Палицын анализирует изъяны управляющего аппарата. Все вместе, по мнению автора, привело к разложению армии и гибели страны.

В силу своей должности Палицын оказался вовлеченным и в дела союзников, европейскую и международную политику.

Множество государственных и военных деятелей других стран попали в орбиту его внимания. Ллойд Джордж, Вудро Вильсон, Клемансо, Гинденбург и многие другие. У всех свои интересы в круговороте всеобщего хаоса. Мелькают люди разного социального статуса, появляются и исчезают различные организации: во всем неопределенность, мир меняется на глазах.

Америка в лице своего президента Вильсона выходит на сцену, диктует утомленной Европе свои предложения по устройству нового миропорядка.

И во всей этой сумятице русский генерал озабочен будущим России. Мысль о ее благе – главное содержание его записок.

Текст «Записок» публикуется по рукописи, находящейся на хранении в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета под инвентарным номером «Title 17, U.S. Code».

При подготовке к изданию соответствующая часть рукописи и ранее опубликованного текста в журнале «Военный сборник» были сверены и разночтения внесены в публикуемый текст.

Как следует из текстологического анализа рукописи, автор только приступил к работе по редактированию текста своих «Записок», относящихся к пребыванию во Франции в 1916–1921 гг. Поэтому при подготовке к изданию текст был сокращен, из него были изъяты авторские повторы. Частично были сокращены многословные описания мирных инициатив воюющих сторон в 1917–1918 гг., а также повторяющиеся характеристики лиц из состава советского руководства.

Текст воспроизводится с изъятиями и правками в соответствии нормами русской орфографии и пунктуации. Стилистические особенности манеры автора «Записок» сохранены.

Оставлены без изменений характерные для эпохи и стиля автора особенности написания топонимов, названий городов и населенных пунктов, наименования государственных

учреждений Российской империи и Советской России, обозначения времени, сохранены некоторые архаичные нормы речи. Используемые автором отдельные иностранные слова переведены и даны в пристраничных примечаниях. Текст газетных вырезок и иных авторских вставок, включенных в основной корпус памятника, переведены полностью и включены в общий текст без примечаний. Топонимы и наименования географических названий приводятся в соответствии с транскрипцией 1914–1918 гг.

При публикации составители постарались сохранить авторскую разбивку на абзацы, но в ряде случаев руководствовались смыслом и современными нормами оформления текста.

Авторские подчеркивания воспроизводятся в тексте без оговаривания. Общепринятые сокращения слов, обозначающих титулы, чины, рода войск и т. п. в тексте раскрыты. К номерам воинских частей и соединений добавлялось через дефис окончание, чтобы они отличались от чисел. Пропуски букв, явные опiski исправлены также без оговорок. Пропущенные слова и предлоги воспроизводятся в квадратных скобках. Слова, прочитанные предположительно, также даются в квадратных скобках. В тех случаях, когда авторский текст не поддавался расшифровке, в пристраничных комментариях указывалось в скобках – [неразб.].

Даты в соответствии с общепринятыми правилами (до 1 февраля 1918) приводятся по старому стилю, в необходимых

случаях рядом с круглыми скобками проставлена дата по новому стилю.

Тематические примечания даны в конце каждого тома. Примечания составлены на основании архивных документов, печатных справочных изданий, воспоминаний современников и сетевых справочников. В состав комментариев включены биографические сведения о лицах, упоминаемых автором в тексте, с акцентом на их деятельность в годы Первой мировой войны. Однако не все персональные справки равнозначны по информационной наполненности. Ряд фамилий, по большей части – иностранных, были написаны автором в соответствии с правилами старой орфографии и особенностями произношения иностранных слов на русском языке.

В случае, если автор регулярно использовал при упоминании того или иного человека сокращение его инициалов или титул, то эти особенности указаны в именных примечаниях. Лица, сведения о которых не обнаружены, а также лица с предполагаемым прочтением фамилий в примечания не включались, а упомянуты только в сводном именном указателе.

Издание снабжено именным указателем. При подготовке указателя и комментариев была использована справочная литература, а также ряд интернет-ресурсов, в том числе: www.dommuseum.ru; www.grwar.ru/persons; www.maxknow.ru; www.greatwar.co.uk; www.hrono.ru;

www.militera.lib.ru; www.regiment.ru.; www.geni.com.; www.elan-kazak.ru.

Текст рукописи к печати подготовлен С.М. Артюховым, А.А. Литвиным и В.Л. Юшко.

Перевод с французского языка осуществлен Д.А. Белановским.

Составители выражают особую благодарность В.А. Авдеву, А.И. Барковец, И.Н. Засыпкиной, Е.Л. Киселевой, Е.Е. Колосковой, Л.В. Крячковой, А.В. Махалину, С.Г. Нелиповичу, И.К. Оганджян, Е.А. Полуэктовой, А.Н. Сидоровой, М.В. Сидоровой, М.Р. Хайрулину, В.М. Шабанову за помощь в подготовке текста и примечаний.

Записки генерала Ф. Палицына (1914–1921)

Записывая для памяти то немного, что проходит перед моими глазами, я записываю не для обличения, а чтобы найти причины. Борьба и война выносят на поверхность жизни все хорошее и дурное, что кроется в народе и в государстве как организации общежития.

Ф. Палицын

Северо-Западный фронт С 18-го октября 1914 г. по 12-го декабря 1915 г

18-го октября. 93-й день мобилизации.¹⁹

«На восточно-прусском фронте упорные бои. Настойчивые атаки германцев в районе Бакаларжево спокойно отбиваются нашими войсками. За Вислой – теснимые нами неприятельские арьергарды на фронте Лодзь-Завихваст. В числе

---

¹⁹ В дальнейшем ссылки Ф. Ф. Палицына на день мобилизации опускаются.

другой добычи наши войска захватили парки, тяжелые орудия и аэропланы. В районе Тарлова отступавшие австрийцы 16-го окт. были встречены нашими войсками, переправлявшимися через Вислу южнее Юзефова. Окопавшись под перекрестным огнем, неприятель понес большие потери убитыми и ранеными и до 1000 чел. пленными. В Карпатах австрийцы проявляют деятельность в районе Турка».

Весьма странной редакции эта телеграмма. Как будто ее писало не то лицо, которое писало раньше. В обзоре «Нового Времени» сказано, что немцы отступают на Иржисуха. Австрийцы на Кельцы. Мое тяготение к Ново-Место и далее на Капек с самого начала операции имело бы свои важные последствия. В том же обзоре «Нового Времени» (18-го) говорится о Галицийской группе и упоминается ряд взятых селений: Ильник, Лоснец, Мендза, Броды, Синебудко, Красна, Станиславово, Грабовец, Тисшеначаны. Тщательно отыскивая их, нашел только Броды и Грабовец, но западнее Вислы, к югу от Илфанки.

Возможно, что войска наши, продвинувшись из-за Вислы, оттеснили в эту сторону австрийцев. В официальном донесении говорится о боях у Тарлова с войсками, отошедшими от Вислы против Юзефова. Какие бы то ни были заключения и предположения с имеющимися данными неуместны.

Одно довольно правдоподобно. Наступавшая против нас к Висле неприятельская масса пошла назад. Это очень много. Но если она отойдет, хотя бы потеряв орудия, пленных,

кой-какие обозы, то это не то, что нам нужно. Принимая свое решение, великий князь²⁰, без всякого сомнения, имел в виду не то, а уничтожение этих сил. Соответственно этому, надо думать, велась вся операция. Дело в ходу. Исполнение могло запоздать. Противник, предвидя опасность, мог отойти раньше, и сущность задуманной операции могла, таким образом, ускользнуть от нас. Все это возможно, но пока рано приходить к такому заключению. Возможно, что противник остановится и сам начнет действовать наступательно, стремясь сбросить нас в Вислу. И это возможно, по крайней мере в Опатовском районе. В районах к северу теперь на это не похоже. Тем больше оснований для нашей безопасности и для действительной угрозы противника, являлось осуществление мысли о действиях наших от Пилицы на юге при содействии наших армий от Вислы, выше устья Пилицы. Более чем вероятно, что в этом смысле работает Рузский^[1] или Иванов^[2] — не знаю, кто там распоряжается. Ошибочнее всего было бы дать себя отвлечь к стороне Сувалок, несмотря на очевидную и всегдашнюю опасность нашим сообщениям с этой стороны.

Нам нужен полный успех, т. е. пленение или уничтожение части германо-австрийской армии, вторгнувшейся в наши пределы. Только такой успех может повлиять на изменение к лучшему нашего тяжелого общего положения. Как его исправить и как достигнуть такое положение, при котором

---

²⁰ Великий князь Николай Николаевич, Верховный главнокомандующий.

мы в состоянии будем из оборонительного состояния (оборонительной стратегии) перейти к наступательному, об этом можно рассуждать, когда это большое дело будет нами закончено.

Мы с первых дней войны, как дети, думали о наступлении в Познань и Силезию, примерно, как говорили все, на Бреславль. Но мы совершенно не отдавали себе отчета, что для этого надо раньше сделать. Прошло почти три месяца, и общее положение наше не улучшилось. Армия хотя и закалилась, но растрепалась. Офицерский состав уменьшился в угрожающем размере. Вероятно, и конский состав пришел в отчаянный вид. Дороги испортились невообразимо. Левобережная Польша, богатая в начале, – высосана, истощена и разграблена, и зависимость армии от своих трех железнодорожных магистралей дает себя чувствовать все сильнее. Враг в Восточной Пруссии укрепился сильнее на нашей же земле, откуда он может грозить этим сообщениям и притом очень большими силами, если обстоятельства за Рейном в скором времени, как это уже чувствуется, для него сложатся не благоприятно и он перейдет там к обороне. За три месяца мы одерживали успехи, пережили неудачи, и очень чувствительные, но существенного в смысле улучшения нашего положения не сделали. И на юге мы отбиваемся и не знаем, каков будет исход его. А если отобьёмся, то и тогда это событие существенно повлиять на наше положение не может. Австрийцы очистят Галицию, оставят там слабые части

(если теперь мы заставим их отойти) и усилят себя со стороны Карпат. Времени для подготовки в Венгрии базы мы им дадим поневоле. Поэтому если не последует разгрома теперь, единственный благоприятный случай может быть упущен. Мы будем топтаться на месте, и у нас не будет возможности сделать что-либо серьезное. А впереди возможность политических осложнений. Турция уже выступила. Но, может быть, ничего другого нельзя было сделать за эти три месяца?

На это я отвечу прежде всего: *l'art est difficile et la critique ais*²¹, затем неправильное сосредоточение (развертывание) сил в начале войны, едва ли поправимо в течении компании. До сих пор нам не удалось улучшить нашего положения. Теперь мы на рубеже: или эта возможность будет, или – к созданию такого положения встретятся новые затруднения. Я никого не виню, никого не обвиняю, но констатирую факт. Мы не подготовились, а разготовились в мирное время для этой борьбы. Наши соображения мирного времени, очень остроумные, может быть, вылились в сосредоточение, которое не отвечало действительности. Оно охватывало частности, но не обнимало собою общего положения и не способствовало достижению конечной цели. Неудачи в Восточной Пруссии сугубо ухудшили это положение. От меня никто не требует, чтобы я сказал, что же следовало сделать? Да и никто и не спрашивал. Но главные мои мысли изложены мною в августе.

---

²¹ Творить искусство трудно, а критиковать – легко (фр.).

Они лишь набросаны, не разработаны и касаются лишь одной оперативной части. Было бы очень легко мысленно предполагать, что одними оперативными соображениями можно было исправить все сделанное у недоделанное в мирное время, а потому этим моим соображениям надо отвести должное, скромное, им место. Теперь мы, так сказать, на переломе событий, когда наша работа, освещенная опытом трех месяцев, может получить иное, благоприятное для нас течение. Армия все дает и все делает, чтобы обеспечить мысли, возможность выполнить ее предначертания. Чем дальше, тем условия борьбы сделаются более серьезным и сложным.

Пока мы были на правом берегу Вислы, условия и положение были одни; они были проще и легче; теперь они труднее и сложнее. Мы боремся с австрийцами и небольшою частью (полевых) германцев.

Нам придется столкнуться с большою частью германских полевых сил, когда те, под давлением событий на Рейне, в течение известного, по-моему, не очень длительного периода подготовки наших союзников к наступлению, вынуждены будут обороняться. Но находить, что и то и это нехорошо — легко; что же делать, чтобы было хорошо? На это отвечу, что надо закончить начатую операцию. Ее и ведут и заканчивают, и тогда последует дальнейшее решение. Но как теперь, так и в начале войны надо было обезвредить Австрию и Восточную Пруссию. Это не удалось, а потому теперь следует идти по тому же пути. Из немногого, что узнал, может быть,

Верховный главнокомандующий^[3] озабочен этим и теперь. Проявиться оно не может еще, но какие-то признаки, по-моему, имеются. Из-за путей и по многим другим причинам нелегко это будет исполнить, но хорошо то, что есть намеки на это.

Во всяком случае, при успехе на нашем Завислянском фронте, прежде чем думать о наступлении на Бреславль, надо создать себе соответствующее положение рядом сложившихся действий как со стороны Познань-Торна, так, может быть, к стороне Западной Галиции или Карпат. Черновицы заняты довольно сильною частью – почти в роде 2-ой дивизии. Это большой для нас минус.

19-го октября

«На восточно-прусском фронте неприятельский план прорыва в центре нашей укрепленной позиции, у Бакаларжева, терпит неудачу. За пять дней безуспешных для германцев атак они понесли огромные потери. Во многих местах перед нашими окопами накопились груды неприятельских тел, стесняющие даже наш обстрел. На некоторых участках восточно-прусского фронта наши войска продвигаются вперед. За Вислой нами прочно заняты Гостынин, Ленчица, Лодзь и Островец. В Галиции бои продолжаются. Положение без существенных перемен».

Я думаю, что армия Плеве^[4] в Галиции. Мне сказали, что

она к западу от Варшавы и действует вместе с Шейдеманом^[5], южнее Эверт^[6], затем Лечицкий^[7]. В Галиции – Радко^[8] и Брусилов^[9] и формируется Селиванов^[10]. Севернее Варшавы Ренненкампф^[11], а Сиверс^[12] в Сувалках. Как удалось все это исполнить и в короткий срок – непостижимо. Пять армий были в Галиции – Шейдеман на Басте и Нареве, Ренненкампф на Немане, а уж полдня тому назад – они на Висле. Поразительно! Не знаю, представляет ли история пример подобных перебросок столь крупных частей в столь короткий срок. Я знаю от бывшего в Галиции, что первым начал движение из Галиции Эверт, в половине сентября. Теперь 5-ая армия на Висле, 3-ая в Галиции, одна в Сувалковском районе, Ренненкампф как будто, к северу от Варшавы.

Пока мы тесним врага. Он, разбитый, отходит. Жмем ли мы на его сообщения, к югу от Пилицы? Отразит ли Брусилов напор австрийцев? Он, говорят, потерял 40 % своего состава. Это много, но это не беда. Что делает Радко? Повлияет ли отход австрийцев от Вислы на группу у Сана, или, наоборот, они удвоят свои усилия? От Опатова до Ярославля 120 верст, а от Островца целых 150. Если Завислянские враги будут разгромлены, положение Радко и Брусилова будет более обеспеченное. Черновицы заняты австрийцами и там их порядочно. В этом направлении сообщения наши, как будто обнажены от наших войск. Но и с этим можно помириться, если только за Вислой будет разгром.

Но в состоянии ли будут наши войска быстро продвигать-

ся вперед? Позволят ли дороги и снабжения? Не будет побудительных причин, т. е. наступления от Пилицы на SW или SWS, противник [сможет] остановиться, окопаться, задержать нас и затем перейти сам в наступление. Он ведь разбит к северу от Пилицы²², а к югу от реки он, хотя и тесним, но отступает – это разница. Как наступают наши войска? Ведется ли сознательное управление или они следуют за неприятельскими войсками. Управление, и в особенности армии, переживают при неуспехе и при успехе очень тяжелые периоды. Оно вырывается событиями из рук Командующего армией – нужен большой опыт, большая предусмотрительность и твердость, чтобы удержать вожжи в своих руках. В той же мере управление Главнокомандующего группами. Здесь дело обставлено еще большими затруднениями, чтобы сохранить за собою руководство. Наши привычки, наши порядки мне не чужды; я знаю, как трудно это наладить и сколько трений при нашем общем своеволии и малой склонности к точности возникают и тормозят управление. Не шуточное дело управлять массами на 330–400 верстном пространстве. Но дело идет и должно прийти к развязке. Все-таки на нашей стороне большое преимущество, что одна армия. У противника их две, как кажется, там не все согласно. Дай Бог, чтобы рознь между австрийской и германской армиями пустила бы корни поглубже. В обзоре «Нового Времени» от 19-го сказано, что 1, 2 и 5 полевые корпуса с присоединением

---

²² Только относительно. – *Примеч. Ф. Палицына.*

к ним резерва и ландверных^[13] и гарнизонов крепостей атакуют нас в течение нескольких дней у Бакаларжева. «Новое Время» иногда помещает данные, которые оказывается потом отвечают действительности. Водар^[14] вчера мне сказал, что по-прежнему все полки германского корпуса, как были, так и остались за Рейном. Кто же прав? Буду 2-й и 5-й корпуса считать под подозрением.

Против нас могут быть: 1-й, 2-й, 5-й, 11-й, 17-й и 20-й и Гвардейский bis = 7 корпусов или 1-й, 11-й, 17-й, 20-й и Гвардейский bis = 5 корпусов.²³

Общая перетасовка наших войск совершилась очень быстро с необыкновенным напряжением сил, меня очень поразила. В смысле техническом совершенно нечто очень грандиозное. С той же технической стороны очень важно для оценки этого события знать, какими проторями²⁴ маневр этот обозначился, т. е. были ли такие протори и размеры их. Остались ли корпуса со своими учреждениями или таковые отстали; что сделалось с армейскими обозами, и какими путями переброшенные армии обеспечены теперь как войсковыми, так и армейскими учреждениями. Это важно и интересно в смысле технического исполнения таких маршей. Если переброшены только войска, а учреждения их, как то: госпитали, кормовые транспорты – еще и теперь плетутся на

---

²³ В дальнейшем проскользнуло, что VI герм. корп. к югу от Пилицы. – *Примеч. Ф. Палицына.*

²⁴ Издержки, расходы.

присоединение к своим, и если армейские обозы остались, а в новых местах заранее не были заготовлены новые, то в дальнейшем войска будут поставлены в очень трудное положение, разбив или оттеснив противника, [не смогут] воспользоваться успехами и использовать их. Но если вся эта переброска совершена без особых потерь, то честь и слава исполнителям. Этот акт займет видное место в ряду оперативных действий наших войсковых управлений и учреждений.

Армии Эверта, Плеве и Лечицкого были в Галиции. Переброшены они были – Эверт к Ивангороду, Лечицкий за верхнюю нашу Вислу, а Плеве не знаю, где он был, но, вероятно, где-то у Сана – перешел к району Варшавы или одновременно или несколько раньше сибиряков^[15]. Переход Шейдемана, по расстоянию и путями, ведущими к Варшаве, затруднений представить не мог. Вопрос весь в Плеве. Следовало ли его переводить из Галиции к Варшаве или следовало его оставить там. Что касается Ренненкампа, то может быть от него взят лишь один, в крайности два корпуса, а в районе Сувалок оставлено около 4–5 корпусов.²⁵

Я буду считать, что у нас 27 нумерных корпусов. Считаю по слухам и думаю, что в состав 2-ого вошла Омская дивизия, 27-ого корпуса – 5-ая дивизия и по одной резервной. 16-й продолжаю считать 3-м дивизионным. Итак, выкинув 13-й и 15-й корпуса, у нас будет 25 корпусов или 51 дивизия

---

²⁵ На самом деле оставлено больше. – *Примеч. Ф. Палицына,*

(один корпус – 1 ½ дивизии), а беря во внимание стрелков – 52. Далее Гвардия, Гренадеры^[16] – 4 ½ дивизии, 3 Сибирских = 6 дивизий, 2 Кавказских = 4 дивизии; Туркестанские = 2 дивизии + 4 стрелковые бригады = 16 дивизий. Всего 68 дивизий, из них 2 резервных или 33 корпуса. Выделив 5 на восточный фронт, 7 – на Галицию; на Вислу остается 21 корпус.

Лечицкий – 3 корпуса, Эверт – 4 корпуса, Шейдеман – 4 корпуса, Плеве – 4 корпуса, Ренненкампф – 3 корпуса, всего 18 корпусов.

Остается еще 3 корпуса. Может быть, они в общем резерве или, как у нас говорят, в стратегическом резерве (говорят, в районе Неман-Чаров не 5-й, а 8-ой корпус)? Если у нас имеется такой стратегический резерв, то это указывает лишь на неуверенность, а по отношению к операции – 100 тысяч бездействующих войск. Если Плеве играет эту роль, а каждая из перечисленных армий сделана сильнее, то такая группировка меня совершенно не удовлетворила бы. Однако делать на основании гадательных предположений какие-либо заключения не берусь.

Мне важно выяснить себе, что для общего успеха было бы выгоднее: оставить Плеве в Галиции или перебросить его к Варшаве. Я все время был уверен, что он в Галиции, и только вчера мне сказали, что он где-то около Варшавы. Меня это удивило, и притом с двух точек зрения: технической и по существу. О первой я могу только сказать, что такой пе-

реброс, при общей перетасовке, безумно смел и труден.

Может быть, благоразумными распоряжениями все трудности были устранены, и дело это прошло хорошо. Что касается существа, то, чтобы прийти к известному заключению, надо раньше разобраться в общем положении и провести некоторые частные соображения. Общее положение к 2 сентября известно. С этого времени начинается перегруппировка армии. В 20-х числах сентября, ближе к концу — намерение противника обрисовывается довольно ясно. Рассуждая и обсуждая, я могу руководствоваться в своих выводах моим пониманием. Оно было в конце 20-х чисел сентября формировано так: наибольшая опасность грозит югу, т. е. части фронта примерно к югу от Казимержа на Висле и далее. Я считал, что опасность на юге может быть парализована только на участке средней Вислы. Полагаю, что надо откинуть левое крыло германцев и бить к югу от Пилицы на Родом и далее к югу или к Конску-Астрокову, но непременно при содействии от Пилицы к Радому. Я не решился бы из Галиции убрать армию Плеве, и с нею наше положение мне представлялось далеко не гарантированным. В случае успеха нахождение сильных частей в Галиции только окончательно закрепило бы разгром австрийцев и германцев за Вислой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Рузский Николай Владимирович (1854–1918), генерал от инфантерии, генерал-адъютант (1914). С 14 июля по 2 сентября 1914 – командующий 3-й армией Юго-Западного фронта, с 3 сентября 1914 по 17 марта 1915 – главнокомандующий Северо-Западным фронтом, с июня по 17 август 1915 – командующий 6-й армией, с 18 августа по 6 декабря 1915 и с 1 августа 1916 по 25 апреля 1917 – главнокомандующий армиями Северного фронта. С апреля 1917 – в отставке. Убит красногвардейцами в Пятигорске как заложник.

2.

Иванов Николай Иудович (1851–1919), генерал от артиллерии, генерал-адъютант (1914). В июле 1914 – марте 1916 главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта, позднее состоял при особе Е.И.В. После Февральской революции – в отставке. С 1918 – участник Белого движения, умер от тифа.

3.

...Верховный главнокомандующий... – имеется в виду великий князь Николай Николаевич (Младший), (1856–1929), генерал-адъютант (1894), генерал от кавалерии (1901), председатель Совета государственной обороны

(1905–1908). С 20 июля 1914 по 23 августа 1915 и 2–11 марта 1917 – Верховный главнокомандующий; с 24 августа 1915 по 1 марта 1917 – главнокомандующий Кавказским фронтом и наместник на Кавказе. После Февральской революции – под домашним арестом в имении Дюльбер (Крым). С 1919 – в эмиграции в Италии, позднее – во Франции. С декабря 1924 – руководитель всеми русскими военными зарубежными организациями.

4.

Плеве Павел Адамович (1850–1916), генерал от кавалерии (1907). Участник русско-турецкой войны (1877–1878). С 19.07.1914 – командующий 5-й армией; с 6.12.1915 – главнокомандующий армиями Северного фронта; 5.02.1916 – назначен членом Государственного совета; 10.2.1916 по состоянию здоровья освобожден от командования. Скончался от болезни.

5.

Шейдеман Сергей Михайлович (1857–1922), генерал от кавалерии (1913). С 15 мая 1912 по 23 августа 1914 – командир 2-го армейского корпуса; с 23 августа – командующий 2-й армией; с 5 декабря 1914 – командир 1-го Туркестанского армейского корпуса; с 4 июля 1917 – в резерве чинов при штабе Киевского в/о. С 1918 – в Красной армии. По некоторым данным, умер в тюрьме.

6.

Эверт Алексей Ермолаевич (1857–1926), генерал от инфантерии. С августа 1915 главнокомандующий армиями Западного фронта. С марта 1917 – в отставке.

7.

...Лечицкий Платон Алексеевич (1856–1923), генерал от инфантерии. С августа 1914 по апрель 1917 – командующий 9-й армией. После 1917 – на службе в Красной армии. Впоследствии арестован, умер в тюрьме.

8.

...Радко... – Радко Дмитриев (Радко Русков Дмитриев 1859–1918), болгарский генерал на русской службе. В 1913 – болгарский посланник в Петербурге, в 1914 – командир 8-го армейского корпуса, с сентября 1914 по май 1915 – командующий 3-й армией. С марта 1916 – командующий 12-й армией, с июля 1917 – в резерве. Убит красногвардейцами в Пятигорске как заложник.

9.

Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926), генерал от кавалерии, генерал-адъютант (1914). В 1914–1916 – командующий 8-й армией, с марта 1916 – главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта, с 22

мая по 19 июля 1917 – Верховный главнокомандующий. После 1918 – на службе в Красной армии, главный инспектор кавалерии РККА.

10.

Селиванов Андрей Николаевич (1847–1917), член Государственного совета. Участник китайского похода 1900 и русско-японской войны (1904–1905). С 21.10.1914 – командующий осадной армией, успешно взявшей крепость Перемышль. С 05.04.1915 – в отставке по болезни.

11.

Ренненкампф Павел Карлович фон (1854–1918), генерал от кавалерии, генерал-адъютант. В августе – ноябре 1914 – командующий 1-й армией Северо-Западного фронта. С октября 1915 – в отставке. Расстрелян большевиками в Таганроге.

12.

Сиверс Николай Николаевич (1869–1919), генерал-лейтенант. В 1915–1916 – исполняющий обязанности начальника штаба Северного фронта, в 1916–1917 – начальник штаба Туркестанского военного округа. После 1917 – на службе в Красной армии.

13.

...ландверных... — имеются в виду ландверные части германской армии, сформированные на основе мобилизации призывного контингента в возрасте от 27 до 40 лет. После окончания мобилизации 1914 года германская армия насчитывала 29 ландверных дивизий пехоты, а также 63 ландверных эскадрона кавалерии, 88 ландверных легких батарей, 36 ландверных батальонов тяжелой артиллерии и 48 ландверных саперных рот.

14.

Водар Александр Карлович (1836–1915), генерал от инфантерии. Участник Крымской (1854–1856) и русско-турецкой (1877–1878) войн. С 1903 — член Военного совета Военного министерства.

15.

...несколько раньше сибиряков. — Имеется в виду 1-й Сибирский армейский корпус.

16.

...Далее Гвардия, Гренадеры... 16 дивизий... — имеются ввиду Гвардейский и Гренадерский корпуса, а также 1-й, 2-й, 3-й Сибирские, 1-й и 2-й Кавказские, 1-й, 2-й и 3-й Туркестанские армейские корпуса.